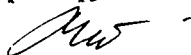

0- 794513

На правах рукописи

Чеботникова Татьяна Алексеевна

**РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ
ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБРАЗА
(на материале художественного дискурса)**

Специальность 10. 02. 19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Челябинск 2012

0-794513

Работа выполнена на кафедре теории языка Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Челябинский государственный университет»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Шкатова Людмила Александровна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Иссерс Оксана Сергеевна

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

0000793097

доктор филологических наук, профессор
Попова Наталья Борисовна

доктор филологических наук, профессор
Яковлева Евгения Андреевна

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Саратовский
государственный университет»**

Защита состоится 26 марта 2012 г. в 11 часов на заседании диссертационного совета Д 212.296.05 по защите кандидатских и докторских диссертаций при ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет» по адресу: 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет» по адресу: ул. Братьев Кашириных, 129.

Автореферат разослан « » февраля 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

кандидат филологических наук, доцент

Г.С. Вардугина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

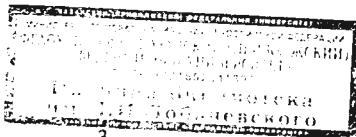
Личность говорящего и предъявляемый ею для всеобщего обозрения образ играет весьма важную роль в процессе человеческого взаимодействия. Наблюдая за поведением, манерами, мимикой и пантомимикой, умением владеть собой, внешностью, осанкой, одеждой – всем тем, что позволяет личности так или иначе «подать себя», человек получает представление о ней, формирует в своем сознании ее образ. Особую роль в экспонировании образа играет речевое поведение.

Данное исследование проведено в русле работ, направленных на создание общей теории речевого поведения, или теории речевой деятельности как учения об эффективном и оптимальном выборе и функционировании вариативных языковых средств, а также речеповеденческих моделей.

Актуальность темы диссертационной работы обуславливается рядом факторов: во-первых, проблемы изучения языковой личности и ее речевого поведения относятся к центральным вопросам современных лингвистических исследований, во-вторых, назревшей необходимостью описывать Homo Loquens как социального субъекта, поскольку только в таком аспекте становится понятна прагматика его высказываний; в-третьих, изучение и описание функционально-прагматической стороны речевого общения, не получившее на сегодняшний день завершения и представляющее интерес не только для лингвистов, но и для специалистов других областей научного знания: литературоведения, философии, психологии, культурологии, социологии, – способствует решению проблемы оптимизации речевого взаимодействия.

Объект исследования: речевое поведение личности.

Предмет исследования: модификации речевого поведения персонажа художественного произведения как средство формирования и изменения социального образа.

Цель работы – исследовать и описать на примере персонажей художественных произведений способы модификаций речевого поведения, направленные на создание востребованного социумом и риторической ситуацией образа.

Гипотеза исследования: системные изменения в оформлении речевого поведения личности, отраженной в художественных произведениях, обусловлены воздействием социокультурной среды и направлены на сбалансированное существование человека в обществе.

В соответствии с поставленной целью и сформулированной гипотезой в исследовании решались следующие **задачи:**

- обосновать совокупность положений, составляющих теоретико-методологическую основу исследования, и раскрыть существенные характеристики базовых понятий;

- описать содержательные доминанты речевого поведения персонажа художественного произведения, способы и особенности его самоподачи;

- выявить механизмы метаморфоз образа личности, проявляющиеся в художественном произведении;

- установить модели речевого поведения, используемые автором в процессе формирования образа персонажа с целью демонстрации путей адаптации к социокультурной среде.

В своей работе мы исходили из понимания того, что адекватное и исчерпывающее описание речевого поведения с точки зрения его участия в создании социального образа личности не может быть ограничено собственно лингвистическим анализом языковых ресурсов (совокупности слов, выражений, речевых формул). Оно предполагает учет и невербальных средств, а также различных компонентов риторической ситуации, каждый из которых оказывает непосредственное влияние на оформление речевого поведения личности, создание образа и его предъявление. Значимым для нашего исследования является изучение социализации личности в аспекте описания ее речевого

поведения. Мы имеем в виду прагмалингвистические параметры языковой личности и рассматриваем общение как деятельность, имеющую мотивы, цели, стратегии и способы реализации (Жарасик 2004).

Такой подход позволяет не только увидеть, как говорит человек, какие языковые средства им задействуются в процессе общения, но и понять, почему и зачем он это делает, установить причины, побуждающие его придавать значимость одним аспектам действительности, игнорируя при этом другие, то есть позволяет увидеть саму личность – ее интеллектуальный уровень, эмоциональную организацию, духовно-нравственные приоритеты, мировосприятие и особенности самосознания.

В качестве базовых в настоящем исследовании выступают такие понятия, как общение, личность, языковая личность, роль, речевое поведение, персонаж, образ, дискурс персонажа.

Методологическую и теоретическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых, работающих в различных отраслях научного знания: лингвистике, философии, психологии, культурологии, социологии, — а также в области смежных направлений: лингвокультурологии, социолингвистике, психолингвистике (Т.А. Апинян, Н.Д. Арутюновой, М.М. Бахтина, П.Л. Бергера, Э. Берна, Г.И. Богина, В.В. Виноградова, Т.Г. Винокур, Дж. Гамперца, Б.Н. Головина, В.Е. Гольдина, Г. Грайса, Л.И. Гришаевой, В.Д. Девкина, Т.М. Дридзе, И.А. Зимней, О.С. Иссерс, В.И. Карасика, Ю.Н. Караулова, И.С. Кона, В.В. Красных, Л.П. Крысина, В.Л. Леви, А.А. Леонтьева, Ю.М. Лотмана, В.А. Масловой, А. Маслоу, Т.М. Николаевой, А.Б. Орлова, Дж. Остина, Ю.Е. Прохорова, К.Ф. Седова, Дж. Серля, О.Б. Сиротининой, Л.И. Скворцова, В.В. Соколовой, И.А. Стернина, Е.Ф. Тарасова, Н.И. Формановской, Э. Фромма, А.М. Шахнаровича и др).

Материалом исследования стали прозаические художественные произведения русских и зарубежных авторов XIX – XX вв. Для анализа были отобраны тексты, написанные в русле реалистического метода, в которых

герои социально обозначены и которые позволяют увидеть, как реализуется провокативная сущность обстоятельств по отношению к речевому поведению персонажей. Все анализируемые тексты объединяет определенное сходство персонажей, проявляющееся в способах осуществляемых ими действий, манере думать, чувствовать, говорить.

Выбор в качестве материала исследования текстов художественной литературы обусловлен тем, что:

- реалистическое художественное произведение является воспроизведением действительности, образцом объемного и детального описания персонажа;

- в образах персонажей художественных произведений отражаются разнохарактерные типы людей, причем персонаж представляет собой не сумму деталей, из которых слагается изображение, но целостную личность с присущими ей поведением, психологическим настроением, миропониманием;

- текст художественного произведения дает возможность наблюдать за развитием персонажей в большом временном промежутке, иногда в течение всей жизни, при этом временной промежуток ограничивается рамками самого произведения;

- текст художественного произведения позволяет увидеть не только риторическую ситуацию в целом, но и все ее составляющие, каждая из которых коррелирует с речевым поведением персонажа, оказывая непосредственное влияние на его оформление;

- на уровне текста художественного произведения благодаря наличию авторских ремарок, комментариев, а также представленности внутренней речи персонажей возможно увидеть гармонию или диссонанс между внешним речевым поведением и внутренним состоянием;

- текст художественного произведения дает возможность проследить, как меняется образ персонажа в связи со сменой его речевого поведения и, наоборот, как смена речевого поведения оказывает влияние на сам образ.

Широкомасштабное изучение речевого поведения на базе произведений русской и зарубежной преимущественно художественной и отчасти публицистической литературы позволило увидеть некоторые общечеловеческие, инвариантные его черты и свойства, не имеющие национальной, гендерной, социальной, культурной обусловленности, а также зависимости от языка, на котором осуществляется общение. В числе этих свойств оказываются универсальные речеповеденческие модели и реализуемые личностью коммуникативные стратегии, представляющие собой цепочку решений, а также выбор определенных коммуникативных действий и языковых средств либо реализацию набора целей в структуре общения.

Из материала исследования, а также перечня факторов, предопределивших его выбор, следует, что в данной работе анализируется речевое поведение не реальной языковой личности – личности, самостоятельно осуществляющей речевую деятельность и производящей тексты той или иной сложности в условиях непосредственного говорения, а персонажа, являющегося «выращенной» «живорожденной» моделью языковой личности и функционирующего в рамках дискурса эпического или драматического произведения (во «вторичной» действительности, так называемой художественной реальности), в пределах которого автор текста создает образ персонажа, высвечивая, обыгрывая, интерпретируя те или иные поступки и черты характера, пропуская через призму собственного сознания.

Персонаж, представляющий собой художественное воплощение реальной личности, обнаруживает себя в осуществляемой им деятельности, и прежде всего в деятельности речевой. Несмотря на то, что «принципы воспроизведения социально-типической характеристики речи персонажей не могут быть абсолютно натуралистическими, поскольку «художественное произведение не является памятником или документом ни областной диалектологии, ни социальной жаргонологии, <...> вместе с тем несомненно, что писатель-реалист изображает национальные характеры со свойственной им манерой

выражения как порождение строго определенных общественно-исторических условий» (Виноградов 1959). В высказываниях, поступках, позах и жестах литературного героя отражаются различные формы поведения личности. Речь действующих лиц передает их неповторимые психологические состояния. При этом внутренний мир персонажа выявляется не только логическим смыслом сказанного, но и речевой манерой, а также самой организацией всего речевого поведения в целом. В.В.Виноградов писал: «... персонаж свой характер раскрывает... в своих речах. Речевая характеристика персонажа строится на основе закрепления за данным образом не только определенной лексики (тематическая характеристика), но и определенных экспрессивно-синтаксических и стилистико-фразеологических форм, индивидуальной системы мимического и пантомимического выражения. Образ – то единство, которое связывает все реплики персонажа».

В связи с тем, что речевое поведение персонажа художественного произведения получает воплощение в текстах, представляющих собою:

а) прямую речь (*oratio recta*); б) косвенную речь (*oratio obliqua*), в) несобственно-прямую речь; г) внутреннюю речь, — то именно они стали предметом нашего пристального внимания.

Каждый из перечисленных видов текстов оценивается нами как дискурс персонажа. Наше понимание дискурса соответствует определению, сформулированному Н.Д. Арутюновой: «Дискурс – связный текст в его совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психолингвистическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь рассматриваемая как целенаправленное действие, как компонент, участвующий во взаимоотношении людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, погруженная в жизнь» (Лингвистический энциклопедический словарь 1990).

Признавая и учитывая специфичность эмпирической базы, на основе которой осуществляется изучение речевого поведения личности, и

обусловленную этим возможность погрешности в полученных результатах, мы обращаем внимание на высокую степень достоверности и информативности, которую несет в себе каждый литературный персонаж.

Информативность и достоверность персонажа объясняется и обуславливается прежде всего тем, что за ним стоит реальная личность автора, который приводит его в движение, вживляя в определенный исторический, социальный и культурный контекст, заставляя производить действия и совершать поступки, наделяя по своему усмотрению такими качествами и свойствами, которые делают персонаж личностью, осуществляющей материальную и речевую деятельность, а также разнообразно предьявляющей и реализующей себя в условиях дискурса художественного произведения. Соответственно в речевом поведении персонажа, который сам по себе является порождением авторского сознания, находят отражение аффективные, перцептивные и когнитивные процессы, протекающие не только в его сознании, но и сознании самого автора, представляющего собой реальную языковую личность. По мысли В.В. Виноградова, «язык автора впитывает в себя речь и мышление персонажей, присущие им приемы драматического переживания и осмысления событий. В стиле повествования выражается не только личность автора, но остро звучат разные живые голоса эпохи» (Виноградов 1952).

Интересны с этой точки зрения откровения Н. В. Гоголя, сделанные им в «Авторской исповеди» относительно предмета своего описания и его достоверности: «... предмет у меня был жизнь, а не что другое. Жизнь я преследовал в действительности, а не в мечтах воображения. <...> Я никогда ничего не создавал в воображении и не имел того свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной из действительности, из данных мне известных. Угадывать человека я мог только тогда, когда мне представлялись самые мельчайшие подробности его внешности. Я никогда не писал портрета, в

смысле простой копии. Я создавал его вследствие соображенья, а не воображенья» (Гоголь 1984).

Вышеизложенные точки зрения названных авторов являются достаточно убедительным свидетельством того, что материал нашего исследования является весьма авторитетным источником интересующей нас информации и позволяет признать, что в образах персонажей художественных произведений получают воплощение социальные характеры, социальные субъекты, т.е. личности во всей полноте их характеристик. Вследствие этого величина возможной погрешности в полученных результатах и сделанных выводах не может быть значительной и не может оказать серьезного влияния на их достоверность.

Обоснованность выводов обеспечивается методологическим анализом исходных теоретических положений; использованием комплекса общенаучных методов, таких как наблюдение, описание, анализ, синтез; частных методик риторического, лингвокультурологического, социокультурного, идейно-стилистического, дискурсивного анализов, адекватных цели и задачам исследования; сочетанием теоретического анализа с обобщением эмпирических данных. Общая установка на интегративность исследования обусловила привлечение данных таких наук, как психология, социология, история, культурология, философия, литературоведение.

Научная новизна работы состоит: 1) в обращении к анализу речеповеденческих моделей личности в широком социокоммуникативном аспекте с опорой на работы психологов, философов, социологов, педагогов; 2) в выявлении и описании (на примере языковой личности, отраженной в зеркале художественной литературы) различных целенаправленных модификаций речевого поведения, обусловленных прагматическими, ролевыми и личностно-психологическими факторами и направленных на формирование и изменение социального образа; 3) во введении в характеристику моделей речевого поведения телеологического и аксиологического компонентов, проявляющихся

преимущественно в подразумеваемых выводах и скрытых побочных смыслах, то есть в инференциях и импликациях высказываний.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке лингвистических аспектов персонологии – новой интегральной области исследования, в упорядочении ее понятийного и терминологического аппарата; в углублении теории речевой деятельности, речевого поведения, теории речевого воздействия, прагмалингвистики, неориторики; в выявлении и описании способов модификаций речевого поведения, осуществляемых личностью и направленных на формирование и изменение собственного образа.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности использования полученных данных при обучении риторике, культуре речевого общения, лингвистическому анализу художественных текстов, в деятельности имиджмейкеров, при оценке корректности и этики межличностного общения. Теоретический и иллюстративный материал может найти применение в преподавании целого ряда дисциплин, предметом изучения которых является человек: философии, социологии, истории, психологии, культурологии, — а также в практике преподавания смежных с названными курсов: лингвокультурологии, социолингвистики, психолингвистики.

Положения, выносимые на защиту:

1. В общении как многофункциональном явлении, одновременно включающем информационный обмен, установление и поддержание контакта, регулировку взаимодействия, индивид становится личностью, т.е. средоточием когнитивно-коммуникативных потенциалов, получающих реализацию на широком фоне социально окрашенной действительности, которая дает место проявлению ее психологических свойств и устремлений.

2. Усваивая определенные фрагменты культуры, аккумулируя социальные нормы, личность овладевает различными функциями, или позициями, традиционно называемыми ролями. Каждая роль обладает значительным презентационным потенциалом, вследствие этого исполнение ее

оказывается личностно интерпретируемым. В аспекте социализации исполнение тех или иных социальных ролей связано в первую очередь с усвоением стереотипов речевого поведения.

3. В ситуациях социального взаимодействия личность по-разному заявляет о себе: 1) открыто демонстрирует, какова она есть на самом деле (самоподача Ethos) и исполняет роли, по праву рождения, социального положения, возраста и пр. ей принадлежащие; 2) намеренно и целенаправленно конструирует свой образ (самоподача Persona), предъявляет себя в новом качестве, создавая, по терминологии М.М. Бахтина, «образ для другого» - «прагматическую сущность, используемую для решения практических задач», оформляя себя «не изнутри, а извне».

4. Попадая в условия социального, культурного, эмоционального, психологического дискомфорта или в ситуации коммуникативной инверсии, личность демонстрирует способность использовать заложенные в ней защитные механизмы, изменять свой образ, выдавать себя за другую, то есть исполнять роль-маску и предъявлять образ-маску, средством создания которых является прежде всего соответствующее оформление речевого поведения. Особое значение для выбора роли-маски и ее речевого оформления имеют ценностные установки личности, которые выступают как локаторы ее нравственного сознания. Адекватное оформление и успешное исполнение роли-маски предполагает наличие широкого когнитивного диапазона, языковой компетенции, коммуникативной компетенции, актерских способностей, психологического настроя.

5. Каждое время характеризуется набором типичных ролей и, соответственно, набором типичных ролей-масок и образов-масок. Роль-маска и образ-маска отражают не сущностные характеристики личности, а ее дискурсивные проявления, которые имеют определенные аксиологические и этические аспекты и являются показателями моральной, интеллектуальной и эстетической сторон не только отдельной личности, но и общества в целом.

Апробация концептуальных положений проведенного исследования (как промежуточных, так и итоговых) была осуществлена в выступлениях на заседаниях Вузовской академической лаборатории межкультурных коммуникаций при Челябинском государственном университете, на заседаниях кафедры русского языка, риторики и культуры речи Оренбургского государственного педагогического университета, на заседании кафедры теории языка Челябинского государственного университета, на заседании межвузовского методологического семинара «Актуальные проблемы культуры, науки, образования» в Оренбурге, на Всероссийских и международных научно-практических конференциях и симпозиумах в Москве (2008), Санкт-Петербурге (2003, 2005, 2006, 2007, 2008), Тамбове (2008), Уфе (2009, 2011), Челябинске (2006, 2011), Астрахани (2010, 2011), Самаре (2009, 2010, 2011), Ярославле (2007, 2011), Пензе (2004), Караганде (2009), Оренбурге (2006, 2011), Мозыре (2010), Софии (2011) Содержание исследования представлено в научных публикациях, в том числе в девяти статьях, включенных в реестр ВАК Министерства образования и науки РФ, а также в двух монографиях: «Ното communicans: его роли и образы. Коммуникативно-прагматическое описание» (2010), «Речевое поведение личности в дискурсе художественного произведения: роли, маски, образы» (2011).

Структура работы. Реализация целевых установок проведенного исследования и его внутренняя логика определили структуру работы. Она состоит из введения, четырех глав, первая из которых посвящена теоретическим и методологическим основаниям исследования речевого общения; вторая – коммуникативно-прагматическому описанию речевого поведения; третья – способам создания и экспонирования образа личности; четвертая – мимики речевого поведения личности; заключения, списка источников иллюстративного материала (46 наименований), списка использованной литературы, насчитывающего 412 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** раскрывается актуальность исследования, формулируются цели и задачи, характеризуется методологический подход к изучению речевого поведения личности, получает обоснование выбор в качестве эмпирической базы произведений художественной литературы, определяются научная новизна, теоретическое и практическое значение диссертационного исследования.

В **первой главе «Теоретические и методологические проблемы описания речевого общения»** освещаются вопросы, которые для настоящего исследования являются основополагающими, в частности, определяется содержание и объем понятия, обозначаемого термином «общение», дается квалификация таких понятий, как социализация, личность, языковая личность, образ, устанавливаются связи и отношения между названными понятиями, описываются общие и частные функции речевого общения.

Основное содержание главы сводится к следующему. Последнюю четверть XX и первое десятилетие XXI веков отличает смещение научно-исследовательских интересов лингвистов в сторону изучения речевого общения, которое, будучи по своей природе социальным, становится средой, на основе которой осуществляется социализация индивида – процесс усвоения социальных норм, культурных ценностей, установок и образцов поведения того общества, социальной группы и общности, к которым он принадлежит, т.е. в процессе социализации индивидом интериоризируется социальный мир и происходит становление личности. Под личностью понимается социокультурное образование (устойчивая система социально значимых черт, носитель сознания, языка, обладающий сложным внутренним миром и определенным отношением к себе самому и своему окружению), получающее реализацию в отношениях с действительностью, другими людьми и с самим собой, определяющее и осуществляющее набор конкретных действий и взаимодействий, то есть

стратегию и тактику, а также выбирающее и использующее при этом репертуар собственно лингвистических и экстралингвистических средств.

В отечественном языкознании общение стало предметом многоаспектных исследований М.М. Бахтина, Т.Г. Винокур, О.С. Иссерс, В.И. Карасика, Л.П. Крысина, Ю.Е. Прохорова, К.Ф. Седова, И.А. Стернина, Е.Ф. Тарасова, Н.И. Формановской, А.М. Шахнаровича, Л.А. Шкатовой, Е.В. Харченко и др. Общение также изучается – в рамках парадигм своей науки – специалистами и других областей научного знания – психологами, философами, социологами, культурологами. Междисциплинарная парадигма изучения общения способствовала постижению проблем речевого общения, отгалкиваясь не от форм и структуры речи, а от содержания и механизмов идеационно-творческой активности личности как особого «состояния сознания», актуализируемого и воспроизводящегося в социокультурной среде с помощью (и благодаря) коммуникации (Дридзе 1996). В лингвистическом плане это привело к более глубокому проникновению в авторскую интенцию, а также к установлению различных способов речезыкового воплощения интенционально-коммуникативной субстанции, присутствующей за той или иной фактурой текста (Халеева 1996). В связи с настоятельной необходимостью выявления и описания закономерностей развития общества, взаимодействия его членов, становления и развития личности внимание исследователей все более сосредоточивается на разработке проблем, связанных с социальной сущностью общения, что в свою очередь становится стимулом пробуждения интереса к изучению языковых феноменов с функциональной точки зрения. Такая направленность исследования приводит к выявлению «явных» и «потенных», по выражению Т.Н. Николаевой, установок в коммуникации, опирающихся на социальные, прагматические, ролевые и личностно-психологические факторы. В связи с этим оказывается неизбежным интерес исследователей к пресуппозитивным факторам в речевом общении и их развитию в пользовании языковой системой; важным представляется определение того, что данная личность (языковая личность) не

говорит, как изменяет свою речь в различных ситуациях общения (Николаева 2000). Под термином «языковая личность» нами понимается реальность в виде субъекта, обладающего совокупностью способностей и свойств, позволяющих осуществлять сугубо человеческую деятельность – говорить, воспринимать речь, общаться, создавая устные и письменные произведения (тексты), отвечающие целям и условиям общения. Принимая концепцию Ю.Н. Караулова, мы все же считаем необходимым подчеркнуть, что языковая личность воспринимается нами как вид полноценного представления личности, вмещающей в себя и психический, и социальный, и этический и другие компоненты, но преломленные через ее язык, ее дискурс. (Караулов 1987). Последнее представляется нам особенно важным.

В настоящей работе сделана попытка объединения филологического и социолингвистического подходов к описанию языковой личности. С одной стороны, мы осуществляем изучение речевого поведения с точки зрения его участия в изменении образа личности, но при этом лицо, осуществляющее речевую деятельность, представляет собой не реальную языковую личность, самостоятельно действующую в условиях социокультурного дискурса, а персонаж художественного произведения, по воле автора включенный в дискурс литературного произведения. Следовательно, мы, анализируя речевое поведение персонажа и составляя представление о его образе, идем за В.В. Виноградовым, в сущности, являющимся основоположником изучения образа персонажа как уникальной языковой личности. С другой стороны, условно принимая персонаж художественного произведения в качестве самостоятельной языковой личности, являющейся носителем уникального набора психологических и социальных свойств и обладающей способностью создавать речевые произведения, а также варьировать свое речевое поведение с целью создания востребованного образа в условиях социокультурного дискурса, мы следуем по пути изучения и описания языковой личности, проложенному Г.И. Богиним, Ю.Н. Карауловым, Л.П. Крысиным, В.И. Карасиком. Таким образом, мы транспонируем особенности и

специфику речевого поведения персонажа художественного произведения на реальную языковую личность, что дает возможность значительно расширить границы нашего исследования, переступить за рамки художественного произведения и выйти в социокультурный контекст.

В общении, представляющем собой многофункциональное взаимодействие, одновременно включающее информационный обмен (информационная функция), установление и поддержание контакта (фатическая функция), регулировку взаимодействия (прагматическая функция) и пр., формируются и определяются черты личности. В общении личность так или иначе предъявляет, реализует себя; приобретает навыки подражания, аккомодации и презентации. В общении личность создает свой образ – прагматическую сущность, используемую для решения практических задач (Полборн 2003).

В конкретных ситуациях межличностного общения получают воплощение частные функции, возникновение которых обуславливается мотивом, побуждающим личность к общению. Так, например, желание дистанцироваться от старшего поколения становится одним из мотивов, порождающих язык молодежной субкультуры, сленг, который выполняет изоляционистскую и герметическую функции. Мотив, будучи побудителем деятельности, связанной с удовлетворением определенной потребности, обуславливает появление той или иной частной функции, каждая из которых представляет, по сути, новую реализацию базовой коммуникативной функции. Кроме этого, исследователи отмечают, что «язык умеет манипулировать, он умеет гримировать свои функции, умеет выдать одно за другое» (Николаева 1988). Например, ситуация коммуникативной инверсии становится питательной средой для зарождения и реализации адаптивной функции общения, которая в свою очередь в конкретной ситуации общения может преобразоваться в функции театрализации, талейрановскую или престижную. Сущность коммуникативной инверсии заключается в том, что личность при оформлении своего речевого

поведения руководствуется не истинной коммуникативной интенцией – сообщить информацию и вступить в общение, а желанием произвести «нужное» впечатление, что мотивируется потребностью приспособиться к среде, а приспособившись, оказать на нее влияние. Анализ показывает, что в ситуации коммуникативной инверсии речевое поведение личности подвергается серьезным изменениям: в нем инверлируются черты индивидуальности, а на смену приходит адаптивная модель публичного речевого поведения.

Внимание к частным ситуациям общения и соответственно к частным функциям имеет большое практическое значение для изучения и описания речевого поведения, позволяет увидеть такие его стороны и особенности, которые ускользали от внимания лингвистов или не попадали в область их научных интересов.

Вторая глава «Коммуникативно-прагматическое описание речевого поведения» посвящена описанию речевого поведения личности с точки зрения коммуникативно-прагматической, то есть с позиции его участия в создании и изменении социального образа.

Индивид в процессе социализации, становясь личностью, усваивает определенные фрагменты культуры, аккумулирует социальные нормы, овладевает различными социальными функциями или позициями, традиционно называемыми ролями. В аспекте социализации усвоение тех или иных социальных ролей связано в первую очередь с усвоением стереотипов речевого поведения.

В диссертационной работе принято определение речевого поведения, сформулированное Т.Г. Винокур, которое наиболее органично вписывается в рамки излагаемой концепции: «Речевое поведение – это не столько часть поведения вообще, сколько образ, состоящий из способов использования им языка применительно к реальным обстоятельствам его жизни» (Винокур 1993). Языковая личность реализует себя в речевом поведении, при этом отдает

предпочтение тому или иному стилю общения (фамильярному, официальному, почтительному, пренебрежительному и т.п.), использует высказывания с нужным для своих целей коммуникативным заданием и тем самым оформляет себя, создает свой образ.

Анализ различных вариантов речевого поведения персонажей художественных произведений, выступающих в различных социальных ролях, показал, что социальная роль в ее речеповеденческом воплощении интерпретируема и подвижна, в ней заложен немалый презентационный потенциал. Любая из ролевых позиций становится своеобразной сценической площадкой, на которой разыгрывается театральное представление, и зрителям предлагается одна из исполнительских версий. В связи с этим представляется целесообразным говорить о ролевых инвариантах и исполнительских вариантах, в каждом из которых личность предстает в новом образе.

Под **инвариантом** социальной роли мы понимаем некий речеповеденческий шаблон, стандарт, взятый в отвлечении от конкретного исполнителя, должностную инструкцию, состоящую из перечня прав и обязанностей занимающих эту позицию индивидов, а **вариант** – это реализация стандарта с внесенными индивидуальными дополнениями, представляющий собою социально-речевое образование, ориентированное на другое лицо в конкретной ситуации общения с целью оказания на него определенного влияния. В момент исполнения роли личность находится в состоянии канатоходца, балансирующего между ролевыми (инвариантными) предписаниями и собственными предпочтениями, обусловленными рядом факторов, в числе которых ценностная ориентация стоит едва ли не на первом месте.

Отсутствие жестких ограничений приводит к тому, что каждая из исполнительских версий представляет собою инвариантно-вариантное образование, то есть **интернализированную роль** (от лат. *internus* – внутренний), которая состоит из двух частей: первая – основная или базовая – инвариант (от

лат. *invariante* – абстрактный элемент, взятый в отвлечении от конкретных реализаций) роли. Вторая часть – постоянно меняющаяся, имеет личностное, субъективное начало, актуализирующееся в конкретной ситуации общения. Именно поэтому каждый исполнительский вариант – это уже не собственно стереотип, а образ, созданный, прежде всего, языковыми средствами, в котором «отражаются ролевые предписания в зеркале личности» (А.А. Леонтьев 1997). Совокупность осуществляемых/осуществленных личностью речеповеденческих мероприятий с целью создания востребованного образа, мотивированных структурой социальной ситуации, компонентами которой являются место, время, участники, отношения между ними, тональность общения, цель общения, средство общения (язык, его подсистема, параязыковые средства – жесты, мимика), способ общения, и/или культурным контекстом, определяющимся нормами, ценностями, типами контактов и совместных действий, а также различными ролевыми предписаниями, мы называем **контекстуализацией**.

Речеповеденческая контекстуализация, как показывает анализ фактического материала, осуществляется личностью прежде всего из соображений ситуативной целесообразности. Ситуативное развитие многих постоянно меняющихся факторов личностного взаимодействия определяет осознанный или неосознанный выбор той или иной речеповеденческой стратегии и тактики, той или иной манеры общения, детерминирует речевые поступки индивидов, предопределяет соответствующий условиям набор вербальных и невербальных средств, заставляя менять или, наоборот, сохранять код коммуникации. Все ограничения, придающие форму высказыванию, оказывают влияние на образ личности, формируемый прежде всего языковыми средствами и спецификой их использования. Знание и учет ограничений, представляющих собою своеобразную культурно-коммуникативную рамку, способствуют формированию адекватного речевого поведения и, соответственно, социального образа.

Переходя от исполнения одной роли к исполнению другой, личность переключается с одних стереотипов поведения на другие. Способность делать правильный выбор, осуществить необходимое ролевое речевое переключение, адекватно заявив о себе в различных ситуациях общения, является показателем сформированной коммуникативной личности, понимаемой нами, вслед за другими исследователями, как одно из проявлений личности, обусловленное совокупностью ее индивидуальных свойств и характеристик, которые определяются степенью ее коммуникативных потребностей, когнитивным диапазоном, сформировавшимся в процессе познавательного опыта, и собственно коммуникативной или социолингвистической компетенцией, позволяющей человеку быть не просто говорящим, а полноправным членом социально обусловленной системы общения.

В главе 3. Создание и экспонирование образа личности описываются способы самоподачи личности в различных социокультурных ситуациях и механизмы метаморфоз, посредством которых личность изменяет или моделирует собственный образ.

Развитие личности может идти двумя путями: 1) по пути персонализации и 2) по пути персонификации.

Процессы персонификации и персонализации приводят к образованию личностных типов, по-разному заявляющих о себе в ситуациях социокультурного общения:

- персонифицированная личность демонстрирует, какова она есть на самом деле (самоподача Ethos);

- персонализированная личность намеренно и целенаправленно конструирует свой образ посредством вербальных и невербальных средств, предъявляя или, наоборот, скрывая свои собственные черты, качества и свойства с целью создания и экспонирования своего образа (самоподача Persona).

Самоподача Ethos определяется реальными качествами личности. Здесь мы имеем дело с самоактуализацией и самовоплощением. Самоподача Persona – это осознанная самоподача; она может быть обозначена как самопрезентация, т.е. намеренный и осознанный показ востребованных в конкретной коммуникативной ситуации качеств и свойств. Persona представляет собою продукт адаптации, соответствующий жизненному сценарию личности (Иссерс 2002).

Оба механизма самоподачи – самоподача Persona и самоподача Ethos, – будучи социально обусловленными, взаимодействуют друг с другом, и при этом всегда наблюдается динамика в соотношении реальных и смоделированных качеств.

Анализ различных вариантов речевого поведения показывает, что весьма востребованной оказывается вторая поведенческая модель – самоподача Persona, поскольку «человек может быть вполне самим собою, только пока он один: общество требует от него взаимного приспособления» (А. Шопенгауэр).

Под приспособлением (адаптацией) мы понимаем совокупность поведенческих особенностей личности, обеспечивающих возможность более или менее комфортного или безопасного образа жизни в определенных условиях внешней среды.

Одним из средств и показателей успешной адаптации личности в обществе является адекватное речевое поведение, участвующее в оформлении и предъявлении образа личности. С целью формирования или изменения собственного образа личностью предпринимаются такие речеповеденческие действия, как **коррекция, трансформация, имитация**, которые интерпретируются нами как механизмы осуществляемых метаморфоз. Отличительным признаком, позволяющим дифференцировать названные способы самопрезентации, является прежде всего то, что принимается за ориентир.

При коррекции ориентиром становятся фиксированные или осознаваемые и освоенные личностью нормы и правила коммуникативно-ролевого поведения, соблюдаемые в стандартных ситуациях большей частью социума или группы. Содержание и характер социально-этических норм той или иной общности отражают реальные условия ее существования, а также природу, тенденции развития взаимоотношений и взаимодействий людей в этой общности. В них отражается тип личности, поведения и отношений, необходимых, формируемых или, наоборот, подавляемых данной общностью. Личность, усвоившая нормы, принимающая или отвергающая их, активно реализующая их в своем поведении или пренебрегающая ими, пассивно воспроизводящая стереотип или изменяющая его, соответствующим образом относится не только к самим нормам, но и к самой себе и обществу. Вступая в социальное взаимодействие, индивид, ставший личностью, предпринимает такие действия, запускает такие механизмы, которые позволяют ему так или иначе сбалансировать требования среды и свое внутреннее состояние и на этой основе сконструировать и предъявить востребованный образ. Коррекция речевого поведения нередко осуществляется под влиянием референтной личности или референтной группы.

В случае трансформации ориентиром является интуитивно выбранный образ самого себя и та речеповеденческая модель, которые, в представлении личности, максимально эффективны в сложившейся коммуникативной ситуации для решения возникших проблем. Создавая собственный образ, предъявляя себя в новом качестве, личность что-то скрывает о себе, что-то ослабляет, что-то усиливает, какие-то сведения отрицает, что-то подменяет, что-то приписывает себе, на чем-то делает акцент. Создание и демонстрация образа (самоподача Persona) осуществляется осознанно и целенаправленно как вербальными, так и невербальными средствами. При этом прагматический фактор является самой важной переменной, от которой зависит выбор одного из возможных речеповеденческих вариантов.

Имитация – это подделка под кого-то, и поэтому ориентиром становится этот «кто-то», то есть другой. При имитации личность самовольно присваивает себе чужой образ или речеповеденческую модель (но не социальную позицию) для решения своих прагматических задач, в том числе для получения определенного эмоционального состояния. В этом случае исполняется не социальная роль как таковая, складывающаяся из позиции и функции, свойственной этой позиции, а также нормативного образца поведения, соответствующего позиции и функции, а роль коммуникативная, представляющая собой стратегию, направленную на создание необходимого образа. Коммуникативная роль в нашем понимании – это то, «как человек подает себя в общении, кем он «прикидывается» для достижения определенной цели при отсутствии соответствующей ролевой позиции. При имитации мы имеем дело с неподкрепленным социальной позицией словесным миражем, производящим впечатление на адресата. Явление имитации тесно связано с проблемой взаимодействия «своего» и чужого» слова, переплетения «своей» и «чужой» речевой манеры.

Названные способы оформления речевого поведения и создания образа обычно вступают друг с другом в отношения контаминации.

Так, например, желание скрыть свое бедственное положение и нищенское существование, «прикрыть себя броней, которая составляла бы некий *desougit*», чтобы не расстраивать старушку мать и вселить в нее надежду на лучшее будущее, заставляя потерять работу и перебивающегося случайными заработками сына предстать в образе преуспевающего чиновника, прибегая с этой целью одновременно к трансформации и имитации:

«Пока Домна ходит за кипятком, мать и сын молчат и быстрыми пронзительными взглядами точно ощупывают друг друга...

- Вид у тебя неважный, Ванек, - говорит старушка и сухой рукой гладит руку сына, лежащую на столе. – Побледнел ты, усталый какой-то.

- Что поделаешь, маман. Служба. Я теперь, можно сказать, на виду. Мелкая сошка, а вся канцелярия на мне. Работаю буквально с утра до вечера. Как вол. Согласитесь, маман, надо же карьеру делать?» (А.И.Куприн «Святая ложь»).

Имеющиеся в тексте рассказа авторские комментарии относительно поведения сына позволяют понять, что здесь представлен типичный случай самопрезентации, которая осуществляется посредством трансформации (неудачник представляется чиновником, успешно продвигающимся по служебной лестнице) и имитации (развязный тон и обращение «маман» скопированы у «прикомандированных» шалопаев):

«Этот робкий, забитый жизнью человек всегда во время коротких визитов к матери держится развязного независимого тона, подражая тем светским «прикомандированным» шалопаем, которых он прежде видел в канцелярии. Отсюда и дурацкое слово «маман». Он всегда звал мать и теперь мысленно называет «мамой», «мамусенькой», «мамочкой» и всегда на «ты». Но в названии «маман» есть что-то беспечное и аристократическое» (Здесь и далее выделение наше – Т.Ч.). (А.И. Куприн «Святая ложь»).

Глава 4. Мимикрия речевого поведения личности. Личность, прошедшая различные уровни социализации, владеет навыками использования адаптивных механизмов, включающих разнообразный и разнородный инвентарь средств и позволяющих достичь определенного уровня комфортности существования, относительно безболезненно вписаться в окружающую среду, а также мимикрировать на фоне реальности, грозящей опасностью.

Изучение и анализ фактического материала показали, что личность обладает способностью не только транслировать, но и трансформировать вербальные и невербальные аспекты своего поведения с целью создания и изменения собственного образа и манипулировать ими в соответствии с поставленными целями и решаемыми задачами. Приведем примеры, демонстрирующие способность одного и того же персонажа (Ретта Батлера из романа М. Митчелл «Унесенные ветром») кардинально изменять собственное речевое поведение в зависимости от целей, им преследуемых:

«He had no hesitation about stripping them verbally, even under his own roof, always in a manner that left them no reply. Unashamed of how he came by his fortune, he pretended that they, too, were unashamed of their beginnings and he seldom missed an opportunity to remark upon matters which, by common consent, everyone felt were better left in polite obscurity.»

There was never any knowing when he would remark affably, over a punch cup: "Ralph, if I'd had any sense I'd have made my money selling gold-mine stocks to widows and orphans, like you, instead of blockading. It's so much safer." "Well, Bill, I see you have a new span of horses. Been selling a few thousand more bonds for nonexistent railroads? Good work, boy!" "Congratulations, Amos, on landing that state contract. Too bad you had to grease so many palms to get it" (M. Mitchell "Gone with the wind").

«Он (Ретт) не задумываясь, мог, что называется, раздеть их догола даже в своем доме – да так, что им и отвечать было нечего. Не стесняясь того, какими путями он сам пришел к богатству, он делал вид, будто думает, что и они не стесняются своих корней, и потому при любой возможности касался таких предметов, которые, по общему мнению, лучше было вежливо обходить молчанием. Никто не мог предвидеть, когда ему вздумается весело бросить за кружкой пуниша: «Ральф, будь я поумнее, я нажил бы состояние, как ты, - продавая акции вдовам и сиротам, вместо того, чтобы прорывать блокаду. Оно куда безопаснее». Или: «Эй, Билл, я смотрю, у тебя новые лошади появились. Продай еще несколько тыщенок акций несуществующих железных дорог? Хорошо работаешь, мальчик!» Или: «Поздравляю, Эйсмос», с получением контракта от штата. Жаль только, что тебе пришлось столько народу подмазать, чтоб добиться его» (М. Митчелл «Унесенные ветром». Перевод Т. Кудрявцевой).

Результатом такого поведения было следующее: *The ladies felt that he was odiously, unendurably vulgar. The men said, behind his back, that he was a swine and a bastard.*

(«Дамы считали Ретта отвратительно, невыносимо вульгарным. Мужчины за его спиной говорили, что он свинья и мерзавец».)

С другой стороны, тот же персонаж, озабоченный будущим любимой дочери Бонни и желающий обеспечить ей достойное и прочное место в порядочном обществе, а не в обществе «сакволяжников» и «подлипал», разрабатывает стратегический план с отдаленной перспективой, направленный на достижение поставленной цели и предполагающий решение ряда частных задач, одной из которых является формирование в глазах общественности собственного положительного образа:

"Do? I'm going to cultivate every female dragon of the Old Guard in this town, especially Mrs. Merriwether, Mrs. Elsing, Mrs. Whiting and Mrs. Meade. If I have to crawl on my belly to every fat old cat who hates me, I'll do it. I'll be meek under their coldness and repentant of my evil ways. I'll contribute to their damned charities and I'll go to their damned churches. I'll admit and brag about my services to the Confederacy.<...> He went about his campaign slowly, subtly, not arousing the suspicions of Atlanta by the spectacle of a leopard trying to change

his spots overnight.<...> putting on gravity and charm <...> "Not a change of heart at all. Merely a change of hide" (M.Mitchell "Gone with the wind").

«Что я намерен предпринять? Буду обхаживать всех драконов «старой гвардии» в женском обличи, какие есть в этом городе, – и миссис Мерриузер, и миссис Элинг, и миссис Уайтинг, и мсис Мид. И если мне придется ползти на животе к каждой толстой старой кошке, которая ненавидит меня, я поползу. Я буду кроток, как бы холодно меня ни встретили, и буду каяться в своих прегрешениях. Я дам денег на их дурацкие благотворительные затеи и буду ходить в их чертовы церкви. Я признаюсь и даже буду хвастать, что оказывал услуги Конфедерации...<...>Он повел свою кампанию медленно, исподволь, чтобы не вызвать подозрений своим превращением за одну ночь из леопарда в лань. <...> Он надел на себя маску серьезности и обаяния. <...> Однако взглядов своих не изменял. Переменил только шкуру» (М. Митчелл «Унесенные ветром». Перевод Т. Кудрявцевой).

Принятая в качестве приоритетной стратегия, сущность которой состоит в стремлении получить прогнозируемую реакцию, включает следующие шаги: а) планирование говорящим собственного поведения в процессе взаимодействия с окружающими; б) выбор средств и приемов реализации, то есть речевую тактику, которая обеспечивает гибкость стратегии и оперативное реагирование на ситуацию. Такая стратегия является весьма востребованной, если нормальный ход событий не располагает к желательным для говорящего результатам. Итогом разработанной стратегии и предпринятых тактических мероприятий было то, что *«люди, никогда не любившие Ретта, теперь улыбались... Матроны, до сих пор считавшие, что ни одна женщина не может чувствовать себя спокойной в его обществе, начали останавливаться и беседовать с ним на улице...<...> Он стал теперь одним из самых популярных жителей города».*

Как видим, речевое поведение личности нередко приобретает приметы не индивидуального, свойственного данной личности стиля, представляющего собой нечто уникальное, а некой сознательно избранной модели, «начиненной» такими вербальными и невербальными средствами, которые создают желаемый или востребованный социальной средой образ при отсутствии у личности соответствующей социальной позиции или психологического состояния. Такая

речеповеденческая модель получила наименование **роли-маски**. Под ролью-маской мы понимаем тип поведения и тип сознания личности, представленный в виде своеобразной преднамеренной речеповеденческой модели, включенной одновременно в контекст речи и в контекст жизни и отражающей ее сущностные характеристики личности, а ее дискурсивные проявления.

Несмотря на присущую маске семиотичность, установление ее полного инвентаря средств с помощью только лингвистического анализа представляется затруднительным. Присутствие маски и ее составляющих может быть установлено при подключении когнитивно-перцептивного фактора, а также при наложении внешнего речевого поведения и внутренней речи. Последнее оказывается технически возможным только в том случае, если исследователь имеет дело с письменным текстом, в котором имеются данные относительно внутреннего состояния личности, представленные в виде внутренней речи, несобственно-прямой речи, авторских комментариев:

«She knew that he had fallen in love with her some time before he knew it himself. She found it rather comic. ... When Charles realized that he loved her his manner changed a little, he seemed struck with shyness and when they were together was often silent.

"Poor lamb," she said to herself, "he's such a hell of a gentleman he doesn't know what to do about it."

But she had already prepared her course of conduct for the declaration which she felt he would sooner or later bring himself to make. One thing she was going to make quite clear to him. She wasn't going to let him think that because he was a lord and she was an actress he had only to beckon and she would hop into bed with him. If he tried that sort of thing she'd play the outraged tieroine on him, with the outflung arm and the index extended in the same line, as Jane Taitbout had taught tier to make the gesture, pointed at the door. On the other hand if he was shattered and tongue-tied, she'd be ill tremulous herself, sobs in the voice» (S. Maugham "Theatre").

«Джулия поняла, что он влюбился в нее, еще до того, как он сам это осознал. Ей казалось это довольно забавным... Когда Чарлз догадался, что любит ее, его манера обращения с ней немного изменилась, он стал стеснительным и часто, оставаясь с ней наедине, молчал.

«Бедный ягненок, сказала она себе, - он такой большой джентльмен, что просто не знает как себя вести».

Сама-то она уже давно решила, какой ей держаться линии поведения, когда он откроется ей в любви... Одно она даст ему понять без обиняков:

пусть не воображает, раз он лорд, а она – актриса, что ему стоит только поманить и она прыгнет к нему в постель. Если он попробует с ней такие штучки, она разыграет оскорбленную добродетель и, вытянув вперед руку – роскошный жест, которому ее научила Жанна– Тэбу укажет ему на дверь. С другой стороны, если он будет скован, ...она сама будет робка и трепетна, слезы в голосе и все в этом духе; она скажет, что ей и в голову не приходило, ...и – нет, нет, это невозможно...» (С. Мозм «Театр». Перевод Г.Островской).

Как только ожидаемое объяснение состоялось, Джулии пришлось внести коррективы в разыгрываемую ею роль и придать иные очертания приготовленной заранее маске:

«Timing it perfectly, she raised her eyes till they met Charles's. She could cry almost at will, it was one of her most telling accomplishments, and now without a sound, without a sob, the tears poured down her cheeks. With her mouth slightly open, with the look in her eyes of a child that has been deeply hurt and does not know why, the effect was unbearably pathetic. <...>

She turned her tear-stained face to him ("God, what a sight I must look now") and gave him her lips <...> She gave a deep sigh of contentment and for a minute or two rested in his arms. When he went away she got up and looked in the glass.

"You rotten bitch," she said to herself.

and then went into the bathroom to wash her face and eyes. <...> Julia managed Charles with wonderful skill. <...> after all she was a creator, when all was said and done he was only the public» (S. Maugham "Theatre").

«Выдержав идеальную паузу, она подняла на него глаза, пока они не встретились с глазами Чарльза. Она могла вызвать слезы по собственному желанию, это был один из самых эффектных трюков, и теперь, хотя она не издала ни звука, ни всхлипа, слезы заструились по ее лицу. Рот чуть-чуть приоткрыт, глаза как у обиженного ребенка, - все вместе создавало на редкость трогательную картину. <...> Джулия повернула к нему залитое слезами лицо («Господи, ну и видок сейчас у меня!») и протянула ему губы. <...> Она глубоко и удовлетворенно вздохнула... встала с кресла и посмотрелась в зеркало. «Сукина ты дочь», - сказала она самой себе...и пошла в ванную комнату вымыть лицо и глаза. <...>Джулия удивительно легко управлялась с Чарльзом. <...>она была творцом, а он – всего-навсего зрителем (С. Мозм «Театр». Перевод Г.Островской).

Особенность роли-маски заключается в наличии двух планов содержания: внешнего плана – Я-для другого (по М.М.Бахтину) и внутреннего плана – Я-для себя. Роль-маска – плод двух противоположных инстинктов: быть на виду и прятаться; роль - маска – приспособительный механизм, облегчающий

адаптацию личности к той или иной позиции или ситуации. Обладая динамичностью, роль-маска дает возможность личности функционировать в изменяющейся действительности, а также способствует установлению состояния колеблющегося равновесия в среде ее обитания, мимикрируя в реальности, грозящей некомфортностью.

Особое значение для выбора роли-маски и ее речевого оформления имеют ценностные установки личности, которые выступают как локаторы ее нравственного сознания. От того, с какими ценностями соотносит себя человек, на какие идеалы ориентируется, какие отношения культивирует, самым непосредственным образом будет зависеть выбор речеповеденческой модели и соответственно его образ. Тип роли-маски, ее содержание, оформление и исполнение, является показателем моральной, интеллектуальной и эстетической сторон не только отдельной личности, но и общества в целом.

Мотивы создания и выбора маски разнообразны: это может быть желание и потребность приспособиться к среде, вписаться в культуру, соответствовать, сложившимся представлениям о себе самом, стать своим или чужим, восхищать, вызывать зависть, злить, эпатировать, так или иначе манифестировать свою индивидуальность. Мотивом может выступать также «освобождение от тягот реальной жизни, обстоятельств и забот» (Апинян 2003). В зависимости от мотивов принятие и исполнение личностью роли-маски может быть как добровольным и самостоятельным, так и вынужденным, навязанным средой. В первом случае с помощью роли-маски личность демонстрирует собственные потенциальные возможности, желания и стремления, затаенные или подавленные. Такая роль-маска выступает в качестве своеобразного **компенсатора** – механизма, посредством которого выравнивается несоответствие личностных притязаний и того, что имеется в наличии:

«Тут Фреда остановил юноша в серебристой куртке. Состоялся несколько загадочный разговор:

-Приветствую вас. - Мое почтение, – ответил Фред. - Ну как? - Да ничего. Юноша разочарованно приподнял брови: - Совсем ничего? – Абсолютно. - Я же вас просил. - Мне очень жаль. - Но я могу рассчитывать? - Бесспорно. - Хорошо бы в течение недели. - Постараюсь. - Как насчет гарантий? - Гарантий быть не может. Но я постараюсь. - Это будет фирма? - Естественно. И так далее. Фред сказал:

- Обратите внимание на этого фраера. Год назад он заказал мне партию дельбанов с крестом...Я перебил его: - Что такое – дельбаны с крестом?- Часы, – ответил Фред, – неважно... Я раз десять приносил ему товар -- не берет. Каждый раз придумывает новые отговорки. ...Я все думал – что за номера? И вдруг уяснил, что он не хочет покупать мои дельбаны с крестом. Он хочет чувствовать себя бизнесменом, которому нужна партия фирменного товара. Хочет без конца задавать мне вопрос: «Как то, о чем я просил?» (С. Довлатов «Чемодан»).

Персонаж С.Довлатова добровольно играет себя-другого. А игра с использованием маски является формой и способом запуска заложенных, но нереализованных возможностей.

Если принятие и исполнение роли-маски оказывается вынужденным, недобровольным, то личность изменяет свое поведение, соотнося его с имеющимися ограничениями, под давлением окружающей среды или конкретной ситуации общения, составляющими компонентами которой являются время, место, участники. Роль-маска этого типа выполняет функцию **адаптера** – устройства, позволяющего осуществить контекстуализацию, т.е. максимально органичное вхождение в действительность:

В первый же день мы обратили внимание на бродячую около эшелонов пожилую женщину. Разбитые в кровь босые ноги – в начале апреля, – лицо тронутого умом человека, выбившиеся из-под платка седоватые волосы, потухший, ни на чем не останавливающийся взгляд и повторяемое, как в полусознани, охрипшим голосом:

–Сыночек родимый! Володинька...Кровиночка моя...

...Я видел ее через неделю на следствии: абсолютно осмысленный холодный взгляд, поджатые губы, гордая осанка, во всем облике презрение и ненависть.

Женщина, помешавшаяся после гибели на фронте двух сыновей, - это была отличная оригинальная маска с использованием и эксплуатацией великого, присутщего всем нормальным людям чувства – любви к матери (В. Богомолов «Момент истины (в августе сорок четвертого)»).

Таким образом, роль-маска – ее выбор и исполнение – это реакция личности на вызовы социальной среды, именуемая в рамках нашего исследования адаптивной радиацией, это своеобразный приспособительный механизм, облегчающий адаптацию личности к определенной позиции или ситуации, один из способов вхождения в социум. Личность, не имеющая мотивов создавать роль-маску и исполнять ее при построении и предъявлении своего «Я», своего собственного образа, безусловно, также прибегает к различным модификациям: убирает, нивелирует то лишнее, что неблагоприятно, не в лучшем виде представляет ее в глазах всего общества в целом, социальной группы или отдельной личности. Но при моделировании и исполнении роли-маски отсекается не лишнее, а главное, сущностное и предъявляется рафинированный образ.

От социальных условий зависит «стиль», «облик», «фасад» личности. В процессе оформления «фасада», внешнего образа в востребованном ракурсе осуществляется моделирование роли-маски в виде непрерывной ориентации на определенные типологические качества и свойства, а исполнение роли-маски обозначает сознательное приспособление речевого поведения личности к вкусам, предпочтениям, мнениям социального окружения, ориентацию на то, чтобы соответствовать признанному или требуемому стандарту. В процессе формирования и исполнения роли-маски актуализируются социально обусловленные функции речевого общения – адаптивная и компенсаторная, сущностная характеристика которых состоит в намеренном, осознанном и целенаправленном создании и оформлении нового образа, проявляя, скрывая или избыточно подчеркивая личностно или социально востребованные качества, свойства, характеристики во избежание контекстуального диссонанса. Принятие и исполнение роли-маски направлено на восстановление состояния равновесия личности в среде ее обитания, а человек благодаря *savoir faire* оказывается спасшимся (Демидова 2003).

Успешность исполнения роли-маски самым непосредственным образом зависит от актерских способностей личности. По мнению Н.Н. Евреинова, в человеческой природе, кроме инстинкта самосохранения, присутствует инстинкт театральности, инстинкт преображения, который позволяет личности при помощи внешних изменений повлиять на окружающих, внушить им нечто, что отсутствует в реальности. Театральность – могучий метод борьбы в природе (Евреинов 1923). Под театральностью мы вслед за другими исследователями понимаем своеобразный лингвосемиотический инструмент, способствующий точно рассчитанной реализации человеческой потребности в формировании удобной для своего существования среды обитания; инструмент, включающий механизм презентации и самопрезентации как необходимых элементов речевого воздействия на среду и социум (Олянич 2007).

Рубеж XX-XXI столетий ознаменован оформлением нового типа культуры - культуры постмодернизма, символическими образами которой являются лабиринт и ризома. Если под лабиринтом подразумевается сложность, запутанность, многоаспектность, полисемия культуры, то под ризомой мыслится нелинейность, хаотичность, бессистемность, множественность (Смирнова 2007). В этот период происходит активное формирование личности нового типа – личности с рыночной ориентацией, сущностной характеристикой которой является не постоянная доминирующая черта, а пустота, максимально быстро заполняющаяся любым из требуемых на данный момент качеств и свойств, чисто внешнее подчинение стандартам, требованиям социальной среды, риторической ситуации, ближайшего окружения (Фромм 1993). Предъявляемое, озвученное соответствует требованиям и нормам среды или социокультурной обстановки. За внешне предъявляемым скрывается то, на что в данных условиях отсутствует спрос: нет спроса – нет предложения, и наоборот: есть спрос – есть предложение. «То, что человек продает на рынке личностей, – это его способность играть свою роль, а что скрывается за это ролью, не имеет значения и никого не интересует. Да и он сам не заинтересован

в том, чтобы быть действительно правдивым и искренним, а только в том, что эти качества могут дать ему на рынке», – констатирует Э. Фромм (Фромм 1993).

В качестве примера, демонстрирующего вышеописанную речеповеденческую модель, приведем фрагмент из сценария фильма Э. Рязанова и Э. Брагинского «Забывтая мелодия для флейты», где главный персонаж Леонид Семенович на заседании Главного управления свободного времени мысленно, про себя, бросает в адрес своего начальника нелицеприятные реплики, выражая тем самым свое негативное отношение не только к нему, но и ко всему стилю и содержанию работы возглавляемого им управления:

- *Разрешите мне, Ярослав Степанович.*
- *С удовольствием тебя послушаю.*
- *Честно говоря, даже не знаю, как начать...*
- *А ты говори напрямую.*
- *Напрямую?*
- *Напрямую! Сейчас время такое!*
- *Напрямую так напрямую! Ярослав Степанович, я отношусь к вам, как к отцу родному! Но вы же безнадежно устарили! Вы реакционер! Вы тормоз!*
- *Все?*
- *Все!*

Однако «автор», он же «исполнитель», стремится в первую очередь не выразить свои мысли, свою точку зрения, а произнести нечто соответствующее требованиям: его задача состоит не в том, чтобы говорить правду, а в том, чтобы создать видимость правды – видимость, которая стремится к установлению связи с адресатом в расчете быть принятой им в качестве истины. Озвучивается то, что абсолютно расходится с внутренним ощущением и пониманием происходящего, то есть исполняется роль-маска, создающая посредством слов, риторических приемов образ-маску дисциплинированного и инициативного чиновника:

- *Разрешите мне, Ярослав Степанович.*
- *С удовольствием тебя послушаю.*

- Значит, друзья мои, сейчас у нас расцвет гласности и свободы. И это замечательно! Мы ничего не запрещаем. Мы все разрешаем. И это тоже прекрасно. Но товарищи на местах в полной растерянности. Свобода свободой, но до каких же пределов?! Мне думается, что пора приступить к разработке документа, где будет четко определено, вот это граждане могут делать, а вот это они делать не должны.

- Молодец!

- Вот вкратце моя мысль (Э.Брагинский, Э. Рязанов «Забытая мелодия для флейты»).

Как видим, персонаж (Леонид Семенович) вполне социально адаптирован, он намеренно не создает контекстуального диссонанса: он точно знает, что надо говорить не то, что он думает, а то, что нужно, причем он точно знает, что нужно. Дистанция между предъявляемым и внутренним очевидна. Роль-маска, исполняемая персонажем, представляет собой модель поведения, где неподлинность (театральность) становится формой жизни и одним из условий, делающим возможным хотя бы временное нормальное существование личности в среде ее обитания, то есть роль-маска этого типа представляет собой своеобразный модус-вивенди, который смягчает риск существования в социальной жизни, являясь формой адаптации к социуму, формой защиты внутреннего мира и одновременно способом демонстрации того, что востребовано. Как только личность выходит из-под контроля или происходят изменения в соотношении сил, компонентов риторической ситуации, в социально-политической и экономической обстановке, одновременно меняется ее речеповеденческая модель как в содержательном отношении, так и внешнем оформлении, чем и обуславливается очередное изменение внешнего образа личности.

Личность с рыночной ориентацией – это персонализированная личность, которой свойственны целенаправленная и преднамеренная демонстрация «фасадов», маскировка, сокрытие истинных чувств и настроений. Персонализация неизбежно приводит к тому, что личность становится более закрытой, более отгороженной от других, менее способной к сопереживанию,

эмпатии во взаимоотношениях, менее способной к выражению вовне, то есть менее конгруэнтной.

В условиях рынка личность испытывает чрезвычайную потребность в самопрезентации, которая обнаруживает подвижность и преднамеренность. Самопрезентация – это особый аспект коммуникативного процесса, который может быть квалифицирован как управление впечатлением о себе с помощью различных стратегий и тактик, направленных на создание внешнего образа и его предъявление. В процессе выстраивания отношений с обществом и отдельными его членами у личности с рыночной ориентацией особую актуальность и значимость приобретает речеповеденческая модель роль-маска, с помощью которой создается образ-маска.

Адекватное оформление и успешное исполнение личностью роли-маски предполагает наличие широкого когнитивного диапазона, ролевой компетенции, языковой компетенции, коммуникативной компетенции. Названными качествами обладает языковая личность элитарного или полнофункционального типа речевой культуры, которая, будучи многорольной и многомерной, демонстрирует способность варьировать свое речевое поведение в связи с изменением компонентов ситуации общения или их соотношения, умение исполнять разные речевые роли, которые состоят из освоенного и «присвоенного» разностилевого репертуара языковых средств применительно к конкретным обстоятельствам общения (Жочеткова 1998).

Современной элитарной языковой личности свойственен ряд черт, позволяющих говорить о ее уникальности: во-первых, современная элитарная языковая личность представляет собой открытую систему, допускающую существование не только одного, но и нескольких образцов сознания и моделей поведения; во-вторых, современная элитарная языковая личность обладает способностью в различных ситуациях общения использовать разные языковые средства, вплоть до лингвистически релевантных личностных индексов, обозначая тем самым свое место в социальной системе, очерчивая и проявляя

контуры своего образа. В-третьих, владея значимыми качествами речи: правильностью, уместностью, целесообразностью, коммуникативной культурой – современная элитарная языковая личность оказывается способной не только реализовывать эти качества, но и отказываться от них, попадая в иную социальную среду; демонстрируя не только способность, но и психологическую готовность осуществлять переход с одного кода на другой. В качестве примера виртуозной речеповеденческой переакцентуации приведем фрагмент очерка Т. Толстой «Политическая корректность», в котором автор, будучи личностью элитарного типа культуры, демонстрирует умение «отливать свою речь в разнообразные композиционно-стилистические формы» с целью достижения желаемого результата:

«В своей статье для американского журнала я как-то процитировала строку Пушкина: «Потомок негров безобразный». Мне позвонил редактор: «Вы что, с ума сошли? Я не могу напечатать эти слова». – «Но Пушкин это сказал о себе». – «Этого не может быть». – «Может». – Молчание. – «Снимите строку». – «Не сниму». – «Тогда давайте вашу статью напечатать под другой фамилией». – «Тогда я вообще снимаю свою статью и напечатать ее в другом месте, сославшись на вашу цензуру». – «Это тоже невозможно. Ваш Пушкин что, расист?» – «Наш Пушкин эфиоп». – Долгое молчание. – «Слушайте, без этой строки ваша статья только улучшится. Поверьте мне, старому редактору».

Долгий визг с моей стороны о том, что я уже семьдесят лет слышу, и что советская власть, и понятно что. И что я от бабушки ушел, и от дедушки ушел, а от тебя, политическая правильность, и подавно уйду. Визг не помогает.

Тогда я меняю тактику и, холодно, злобно, раздельно: «Так. Мало того, что черных вы, белые, держали в рабстве в течение трехсот лет. Теперь вы затыкаете рот единственному русскому черному поэту, томившемуся в неволе среди берез тоталитарного строя. Вот он, расизм. Вот она, сегрегация. Генерал Ли сдался, а вы – нет. Мы что, в Алабаме?..» Пушкина напечатали» (Т. Толстая «Политическая корректность»).

Находясь в условиях статусно-ролевого взаимодействия (автор-редактор), автор, отстаивая свою точку зрения, производит переакцентуацию жанровой формы путем изменения модели речевого поведения, переходя с нейтрального, этикетного на эмоционально насыщенный и доводя его до злобно-обвинительного. Последняя разновидность в данном конкретном случае

представляет собою роль-маску, которая получает реализацию в гротескных обвинениях, возмущении и негодовании.

В наше время речеповеденческая модель роль-маска, с помощью которой создается образ-маска, чрезвычайно прогрессирует вместе с развитием нового типа рынка – рынка личностей, на котором «фактор личности» играет решающую роль. Успех в большой мере зависит от того, насколько хорошо человеку удастся продать себя на рынке, предъявить себя в востребованном образе, что в свою очередь будет определяться тем, знает ли он, что нужно сказать, как сказать и кому. Анализ показывает, что исполнителем роли-маски является прежде всего прагматически ориентированный тип элитарной языковой личности, отличительной чертой которого оказывается исключительная способность менять код коммуникации как в содержательном, так и в формальном отношениях, не останавливаться перед выбором средств, направленных на создание образа, а также отказываться от соблюдения этических и нравственных норм..

Следует отметить, что использование роли-маски как тактического приема весьма эффективно, но как жизненная стратегия роль-маска действует разрушительно на судьбу и психику исполнителя и того социума, в рамках которого она существует или который относится к ней снисходительно. Яркий пример, подтверждающий непродуктивность и даже опасность для личности такой стратегии, находим в «Марсианских хрониках» писателя-фантаста Р.Брэдли, где один из героев, наделенный способностью быть никем (во французском языке слово *Personne* обозначает не только «личность», но и «никто»), принимает любой облик, который хотят видеть окружающие, и погибает из-за несовместимости их ожиданий:

Он менялся на глазах у всех. Это был Том, и Джеймс, и человек по фамилии Свичмен, и другой, по фамилии Баттерфилд; это был мэр города, и девушка по имени Юдифь, и муж Уильям, и жена Кларисса. Он был словно мягкий воск, послушный их воображению. Они орали, наступали, зывали к нему. Он тоже кричал, простирая к ним руки, и каждый призыв заставлял его лицо преобразиться. — Том! — звал Лафарж. — Алиса! — звучал новый зов. —

Уильям! Они хватали его за руки, тянули к себе, пока он не упал, испустив последний крик ужаса. Он лежал на камнях — застывал расплавленный воск, и его лицо было как все лица, один глаз голубой, другой золотистый, волосы каштановые, рыжие, русые, черные, одна бровь косматая, другая тонкая, одна рука большая, другая маленькая. Они стояли над ним, прижав палец к губам. Они наклонились. — Он умер, — сказал кто-то наконец (Р. Брэдли «Марсианские хроники»).

Исполнение личностью роли-маски и жизнь в режиме маски сопряжены с эмоциональным напряжением и сопровождаются моральным и психологическим дискомфортом. Это объясняется тем, что роль-маска представляет собой «момент неполного «я», когда «часть выдается за целое», когда личность реализуется сегментно и однобоко, когда одна из ее сторон гипертрофируется, принимая уродливые черты и формы. Это доказывает, что те социокультурные условия, в которых личность нацелена и ориентирована преимущественно на самопрезентацию или отдает предпочтение самопрезентации в ущерб самоактуализации, не могут быть оценены как продуктивные. Полноценное развитие личности, ее нравственного потенциала может быть достигнуто при наличии возможности выбора как жизненного стиля в целом, так и речеповеденческой модели в частности. Свободный, этически правильный выбор предполагает: а) знание нормы, б) осведомленность о существовании, как минимум, двух полярных эталонов, в) возможность выбора, г) знание реальных последствий выбора того или другого.

В заключении содержится обобщающая характеристика основных результатов исследования речевого поведения личности с точки зрения его участия в формировании социального образа и формулируются выводы.

Проведенное исследование позволило установить, что в общении личность выстраивает линию своего социального и речевого поведения в соответствии с типом дискурса, преследуемыми целями, а также с социальными, языковыми и речевыми нормами, то есть индивид, вступающий в общение, — это активная, творческая (креативная) языковая личность, «входящая в мир деянием,

лично опосредованной системой поступков», направленных на формирование социального образа.

Проблема, которой посвящено диссертационное исследование, далеко не исчерпана. Перспективы ее дальнейшего развития весьма многообразны и могут осуществляться за счет расширения и углубления исследовательского поля, привлечения в качестве материала исследования речевого поведения реальной языковой личности (например, политического или общественного деятеля), изучения национально-культурных особенностей речевого поведения с точки зрения реализации роли-маски, изучения роли-маски с позиций выполняемых ею функций не только в синхроническом, но и диахроническом аспекте, а также описания различных модальных личностей и сопоставления их речевого поведения.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

I. Монографии

1. Чеботникова, Т. А. Homo communicans: его роли и образы. Коммуникативно-прагматическое описание: монография [Текст] / Т. А. Чеботникова; Министерство образования и науки РФ, Оренбургский гос. пед. ун-т. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. – 128 с.
2. Чеботникова, Т. А. Речевое поведение личности в дискурсе художественного произведения: роли, маски, образы: монография [Текст] / Т. А. Чеботникова; Министерство образования и науки РФ, Оренбургский гос. пед. ун-т. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. – 300 с.

II. Статьи в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК Министерства образования и науки РФ

3. Чеботникова, Т. А. Речевое общение как объект и предмет изучения [Текст] / Т. А. Чеботникова // Вестник Оренбургского государственного университета. – Оренбург, 2005. – № 11 (49), ноябрь. – С. 75 – 79.
4. Чеботникова, Т. А. Коммуникативное поведение и культура речи [Текст] / Т. А. Чеботникова // Записки горного института. Риторика в системе коммуникативных дисциплин: в 2 ч. – СПб, 2005. – Т. 160. – Ч. 2. – С. 146–147.
5. Чеботникова, Т. А. Маска как модель поведения и риторический прием [Текст] / Т. А. Чеботникова // Вестник Челябинского государственного университета. – Сер. Филология. Искусствоведение.– Челябинск, 2007. – № 13 (91). – С. 134–141.
6. Чеботникова, Т. А. Мимикрия речевого поведения и стиль жизни общества [Текст] / Т. А. Чеботникова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Самара, 2009. – Т. 11 – №4 (30). – С. 796 – 799.
7. Чеботникова, Т. А. Речевое общение и его функции / Т. А. Чеботникова // Вестник Российского университета дружбы народов. – Сер. Русский язык и иностранный язык и методика их преподавания. – Москва, 2010. № 3. – С. 75–81.
8. Чеботникова, Т. А. Ethos и Persona – два способа самоподачи личности [Текст] / Т. А. Чеботникова // Вестник Челябинского государственного университета. – Сер. Филология. Искусствоведение.– Челябинск, 2011. – № 24 (239). – Вып. 57. -- С. 280–283.
9. Чеботникова, Т. А. Речевое поведение как один из способов актуализации личности [Текст] / Т. А. Чеботникова // Вестник Челябинского государственного университета. – Сер. Филология. Искусствоведение.– Челябинск, 2011. – № 28 (249). – Вып. 59. – С. 138 – 144.
10. Чеботникова, Т. А. Социальная роль и речевое поведение личности [Электронный ресурс] / Т. А. Чеботникова // Современные исследования

социальных проблем (электронный журнал). – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2011. № 4. URL: <http://sisp.nkras.ru/issues/4/chebotnikova.pdf>

11. Чеботникова, Т. А. Личность с рыночной ориентацией: проблема формирования образа [Текст] / Т. А. Чеботникова // Вестник Челябинского государственного университета. – Сер. Филология. Искусствоведение. Челябинск, 2011. – № 37 (252). – Вып. 61. – С. 150-155.

III. Статьи и материалы конференций и симпозиумов

12. Чеботникова, Т. А. Языковая маска как поведенческий стереотип светского человека (по страницам романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» [Текст] / Т. А. Чеботникова // Третьи международные Измайловские чтения, посвященные 170-летию приезда в Оренбург А.С. Пушкина. Оренбург, 9-10 октября 2003 г.: материалы: в 2 ч. – Оренбург: Издательство ОГПУ, 2003. – Ч. 2. – С. 98–104.
13. Чеботникова, Т. А. Языковая маска как риторический прием и модель поведения [Текст] / Т. А. Чеботникова // Риторика и модернизация образования. Материалы докладов участников Восьмой международной научной конференции по риторике (Москва, 2–4 февраля 2004 г.). – Москва: МГПУ, 2004. – С. 248–249.
14. Чеботникова, Т. А. Культурно-национальные стереотипы речевого поведения [Текст] / Т. А. Чеботникова // Языковые и культурные контакты различных народов: Сборник статей Всероссийской научно-методической конференции. – Пенза, 2004. – С. 276–278.
15. Чеботникова, Т. А. Язык и его носители в экстремальных социокультурных условиях [Текст] / Т. А. Чеботникова // Человек в экстремальных условиях: историко-психологические исследования: Материалы XVIII Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 12–13

- декабря 2005 г.: в 2 ч. / под ред. д-ра ист. наук, проф. С. Н. Полторака. – СПб.: Нестор, 2005. – Ч. 2. – С. 296–299.
16. Чеботникова, Т. А. Социолингвистические проблемы в системе гуманитарного образования [Текст] / Т. А. Чеботникова // Социально-гуманитарное знание в системе современного профессионального образования: материалы «круглого стола». г. Оренбург, 11 февраля 2005 г. Сборник статей / отв. ред. О. А. Смирнова. – Оренбург: ФЗО в г. Оренбурге УЮИ МВД России; Печатный дом «ДИМУР», 2005. – С. 74–77.
 17. Чеботникова, Т. А. Аксиологическая составляющая речевого поведения [Текст] / Т. А. Чеботникова // Динамика нравственных приоритетов человека в процессе его эволюции: Материалы XIX Междунар. Науч. конф., Санкт-Петербург; 15-16 мая 2006 г.: в 2 ч. / под ред. д-ра ист. наук, проф. С.Н. Полторака. – СПб.: Нестор, 2006. – Ч. 2. – С. 317–322.
 18. Чеботникова, Т. А. Речевая коммуникация и речевое поведение: представление о норме и отклонениях [Текст] / Т. А. Чеботникова // Современный социум и проблема девиации: материалы социально-гуманитарного теоретического семинара. Сборник статей / под общ. ред. О.А. Смирновой. – Оренбург: Оренбургский филиал (заочного обучения) УЮИ МВД России; Печатный дом «Димур», 2006. – Вып. I. – С. 134–139.
 19. Чеботникова, Т. А. Нормы и нравы современного речевого поведения [Текст] / Т. А. Чеботникова // Проблемы классического образования и духовные ценности современной России: Доклады международной научно-богословской конференции (Челябинск, Челябинский государственный университет, 24-25 января 2007 г./ под ред. В. Э. Будейко / ЧелГУ. – Челябинск, 2006. – С. 95–100.
 20. Чеботникова, Т. А. Речевая коммуникация и речевое поведение в современных условиях: к постановке проблемы [Текст] /

- Т. А. Чеботникова // Профессиональная коммуникация и проблемы культуры речи: материалы «круглого стола», г. Оренбург, 14 февраля 2006г.: Сборник статей / отв. ред.-сост. О.А. Смирнова. – Уфа: ОН и РИО УЮИ МВД России, 2006. – С. 70–74.
21. Чеботникова, Т. А. Формирование Ното communicans как одна из актуальных задач современной системы образования [Текст] / Т. А. Чеботникова // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Вызовы XXI века и образование» г. Оренбург, 3-8 февраля 2006 г. – Оренбург, ОГУ, 2006.
22. Чеботникова, Т. А. Криминализация речевого поведения как языковая маска современника [Текст] / Т. А. Чеботникова // Предупреждение преступлений и правонарушений в современной России: теория и практика: материалы межрегиональной научно-практической конференции, г. Оренбург, 20-21 апреля 2006 г. / науч. ред. доктор юридических наук, профессор Ф. Б. Мухаметшин; отв. ред. О. А. Смирнова. – Оренбург: Оренбургский филиал (заочного обучения) УЮИ МВД России; Печатный дом «Димур», 2007. – С. 51–55.
23. Чеботникова, Т. А. Культура речи и культура речевого поведения [Текст] / Т. А. Чеботникова // Человек. Русский язык. Информационное пространство: межвузовский сборник научных трудов / под науч. ред. Н. В. Аниськиной. – Ярославль, 2007. – Вып. 7. – С. 290–295.
24. Чеботникова, Т. А. Традиция и современная речевая культура [Текст] / Т. А. Чеботникова // Язык и культура – основа общественной связности. Научная сессия «IX Невские чтения». Материалы международных научно-практических конференций. – СПб.: Изд-во «Осипов», 2007. – С. 295–298.
25. Чеботникова, Т. А. Речевая маска в пространстве коммуникативной культуры [Текст] / Т. А. Чеботникова / Семантика. Функционирование.

Текст.: межвузовский сборник научных трудов с международным участием. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2008. – С. 137–147.

26. Чеботникова, Т. А. Современная речевая практика как отражение нравственного состояния общества [Текст] / Т. А. Чеботникова // Интеграция науки и образования как условие повышения качества подготовки специалистов: материалы XXIX преподавательской научно-практической конференции. Том 7. Секции современного русского языка, языкознания и теории и истории культуры; Мин-во образования и науки РФ; Оренбургский гос. пед. ун-т. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008. – С. 48–54.
27. Чеботникова, Т. А. К вопросу о когнитивном моделировании речевого поведения [Текст] / Т. А. Чеботникова / Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. мат-лов / отв. ред. Н. Н. Болдырев; Федеральное агентство по образованию, Ин-т языкознания Рос. Академии наук, Управление образования и науки администрации Тамб. обл., Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, Общерос. Обществ. Орг-ция «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов». – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – С. 649–652.
28. Чеботникова, Т. А. К вопросу о моделировании речевого поведения [Текст] / Т. А. Чеботникова // Новые направления в изучении лексикологии, словообразования и грамматики начала XXI века: материалы международного симпозиума, 4–5 мая 2009 г., Самара. – Самара: Изд-во Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, 2009. – С. 246–248.
29. Чеботникова, Т. А. Речевое поведение в социальном контексте [Текст] / Т. А. Чеботникова // Гуманитарная наука сегодня: Мат-лы междунар. Науч. конф. (г. Караганда, 2 марта 2009 г.) – Караганды: Гуманитарных зертеулер орталыгы, 2009. – С. 192–196.

30. Чеботникова, Т. А. К вопросу о социокультурной составляющей речевого поведения [Текст] / Т. А. Чеботникова // Текст. Язык. Человек: сборник научных трудов: в 2 ч. / редкол.: С. Б. Кураш (отв. ред.) – Мозырь: УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2009. – Ч. 2. – С. 152–153.
31. Чеботникова, Т. А. Мимикрия речевого поведения, или как «держать нос по ветру» [Текст] / Т. А. Чеботникова // Актуальные проблемы коммуникации: теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Башгосунiversитета (г. Уфа, 23 апреля 2009 г.) – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. – С. 365-369.
32. Чеботникова, Т. А. Речевое поведение как один из способов экспонирования личности [Текст] / Т. А. Чеботникова // Риторика и культура речи: наука, образование, практика: материалы XIV Международной научной конференции (1-3 февраля 2010 г.) / под ред. Г. Г. Глинина. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2010. – С. 182–187.
33. Чеботникова, Т. А. Феномен речевой маски в российском социуме [Текст] / Т. А. Чеботникова // Российская нация: этнокультурное многообразие в гражданском единстве: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. В. В. Амелина. – Оренбург: ГУП Оренбургской области «Бузулукская типография», 2011. – С. 249–257.
34. Чеботникова, Т. А. Речевое поведение личности как зеркало времени [Текст] / Т. А. Чеботникова // Человек в информационном пространстве: межвузовский сборник научных трудов: в 2 т. / под общ. ред. Н. В. Анинькиной.– Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. – Т. 1. – С. 131–136.
35. Чеботникова, Т. А. Мода как один из регуляторов речевого поведения [Текст] / Т. А. Чеботникова // Материалы Третьей Всероссийской

- научно-практической конференции «Актуальные проблемы коммуникации: теория и практика» (г. Уфа, 10-11 ноября 2011 г.) / отв. ред. Р. Р. Сулейманова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. – Т. 1. – С. 307–312.
36. Чеботникова, Т. А. Речевое поведение личности и мода [Текст] / Т. А. Чеботникова // Вестник ОГПУ. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. – № 3 (59). – С. 62-65.
37. Чеботникова, Т. А. Роль-маска как приспособительная реакция личности на вызовы социальной среды и реализация адаптивной функции языка [Текст] / Т. А. Чеботникова // Материали за 7-а международна научна практична конференция «Образованието и науката на XXI век, 17-25 октомври 2011 г. – София: «Бял ГРАД – БГ» ООД, 2011. Том 11: Педагогически науки. Филологически науки. – С. 81–85.

Подписано в печать 02.02.12
Печать оперативная. Бумага типографическая.
Заказ № 106 от 02.02.12 г. Тираж 100 экз..
Отпечатано в ЦТ «Константа»
тел.: (3532) 53-24-25

102